

И. О. Дементьев

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Сборник избранных статей Труде Маурер по социальной истории русских и немецких университетов (Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов / пер. Л. П. Комлевой, К. А. Левинсона, В. В. Смекалиной. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 527 с.) включает разнообразные по тематике материалы и опирается на широкий круг источников. В первом разделе автор исследует формирование профессорско-преподавательского состава российских университетов в XIX в.; во втором обсуждается история женского высшего образования в Германии и России. Два следующих раздела представляют различные кейсы: в третьем раскрываются обстоятельства пребывания российских студентов в двух немецких университетах, в четвертом — самоопределения университетов в условиях национального строительства. Последний раздел содержит анализ гендерных, национальных и иных аспектов университетской повседневности в годы Первой мировой войны. Материалы сборника показывают несостоятельность традиционных оценок университетского прошлого в категориях прогресса и отсталости. Т. Маурер ставит под сомнение ряд историографических стереотипов и предлагает новаторскую перспективу в сравнительном изучении социальной истории университетов. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Труде Маурер, немецкие университеты, российские университеты, социальная история.

I. O. Dementev

NEW APPROACHES TO SOCIAL HISTORY OF RUSSIAN AND GERMAN UNIVERSITIES

This collection of articles by Trude Maurer in the field of the social history of Russian and German universities is based on a wide range of sources and includes materials related to different topics. In the first section, the author investigates the formation of Russian higher-education teaching staff in the 19th century, the second section examines the history of female higher education both in Germany and in Russia. The next two sections present diverse cases: in the third one, there are the living conditions of Russian students in two German universities, and in the fourth section, there is self-determination of universities during the nation-building process. In the last section, the author examines gender, ethnic and other aspects of university everyday life during the WWI. The content of the whole book shows the baselessness of the traditional views of the university history in terms of progress and backwardness. Trude Maurer impugns particular historiographical stereotypes and proposes an innovative perspective in the comparative study of social history of the university. Refs 11.

Keywords: Trude Maurer, German universities, Russian universities, social history.

Дементьев Илья Олегович — кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Российская Федерация, 236022, Калининград, ул. Чернышевского, 56а; IDementev@kantiana.ru

Dementev Ilia Olegovich — PhD, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, 56a, ul. Chernyshevskogo, Kaliningrad, 236022, Russian Federation; IDementev@kantiana.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Фонарищик живет на маяке, содержит его в порядке; днем он должен вывешивать разноцветные флаги, согласно указаниям барометра, ночью зажигает огонь.

Генрик Сенкевич. Фонарищик на маяке
(пер. с польск. В. М. Лаврова)

Изданный под эгидой Германского исторического института в Москве сборник статей Труде Маурер по социальной истории русских и немецких университетов — это, несомненно, событие в отечественной «университетской историографии»¹. И не только потому, что в нашей стране история высшего образования пока не приобрела статус уважаемой дисциплины (несмотря на заметный прогресс в этой области, о котором свидетельствуют новейшие публикации: [Университет и город в России... 2009; Профессорско-преподавательский корпус... 2012; Словесие русских профессоров... 2013]), или потому, что она содержит колоссальный фактический материал. Исследование Т. Маурер отвечает лучшим традициям исторической науки: опираясь на множество российских и германских источников (от нормативных актов и архивных документов до мемуаристики и полузабытой периодики), автор по крупицам восстанавливает сложную картину жизни университетских сообществ и взаимного влияния традиций высшего образования разных стран. Эта филигранная, сродни детективному расследованию, работа не оставит равнодушным ни одного взыскательного читателя.

Удачно уже название книги, восходящее к цитате из Н. И. Пирогова, написавшего полтора века назад: «...Прямое назначение наших университетов — это быть маяками, разливать свет на большие пространства и потому стоять высоко и светить. Общество видно в университете, как в зеркале и перспективе. Университет есть и лучший барометр общества» (с. 6; здесь и далее страницы рецензируемого издания указываются в тексте в круглых скобках). Т. Маурер рассуждает о том, можно ли быть одновременно маяком и барометром: Пирогов, говоря о маяке, формулировал задачу для российской высшей школы, а образ барометра потребовался ему для характеристики причин студенческих волнений. Однако такая «двойная перспектива» (видеть, что университет — это и субъект, и объект общественного развития) позволяет многое уточнить в нашем понимании истории России, Германии и Австро-Венгрии конца XIX — начала XX в. (автор, впрочем, периодически выходит за хронологические рамки). Кроме оппозиции образов важен знак вопроса в названии: Т. Маурер как будто советуется с читателем, делится с ним своими сомнениями. От новых ответов на старые вопросы она переходит к постановке следующих проблем, намечая перспективу дальнейших исследований.

Материалы сборника сгруппированы в пять разделов. В основе текста — статьи автора, опубликованные в 1995–2014 гг., и фрагменты монографии [Maurer 1998] — сокращенной версии докторской диссертации, защищенной в Гёттингенском университете в 1995 г. (с. 19). Несмотря на жанровую природу издания, автору удалось достичь цельности в презентации своего подхода.

¹ О неустойчивости значений понятий «университетская историография» и «университетское историописание» (или «university historiography» и «university history writing») в разных национальных контекстах см., напр.: [Morozov 2014, p. 302]. Сборник Т. Маурер, однако, можно отнести к обоим явлениям.

Первый раздел «Российские университеты и российская профессура» посвящен формированию профессорско-преподавательского состава российских университетов в XIX в., его социальным характеристикам и «типам академической карьеры». Ориентация российских университетов на немецкую модель высшего образования привела, как пишет автор, не к слепому копированию зарубежных образцов, а к творческому переосмыслению и «продуктивной адаптации». Традиционное представление об «отсталости» России, пытавшейся со времен Петра I догнать Запад, несостоятельно. Т. Маурер доказывает, что, несмотря на субъективное намерение самих деятелей российской высшей школы наверстывать упущенное, русские университеты уже в XIX в. по ряду параметров объективно опережали тех, на кого сами же ориентировались. В частности, принятые в России процедуры избрания новых профессоров общей коллегией ординарных профессоров или возможности высшего образования для женщин (с. 19–22) обесмысливают оценки в категориях прогресса и отсталости.

Такой подход не очень привычен для тех, кто воспитан на советской историографии, восходящей, как ни парадоксально, к дореволюционной либеральной традиции с ее «ярко выраженной политизированной и морализирующей позицией» (с. 24). Т. Маурер уклоняется от разбора политической составляющей в жизни университетов (их роли в борьбе с самодержавием или, наоборот, в его укреплении), предпочитая реконструировать *social history*, т. е. историю социальных групп («двух групп, совместно образующих состав университета: студентов и преподавателей» [Маурер 2009, с. 14]), рассмотренных как часть общества.

В главе «Командированные в мир академической свободы» Т. Маурер исследует опыт стажировок будущих российских профессоров в Германии XIX в. Многие из ее наблюдений отличаются и свежестью взгляда, и точностью. Показано, что эффект заграничных командировок был не только профессиональным: выходцы «из низов», для которых профессура стала социальным лифтом (с. 103), «приобретали также знакомство с миром» (с. 77). Следствием этого знакомства обычно было возвращение домой (за редкими исключениями) с ясными представлениями об академической свободе, а в конце столетия — «уже и с идеями о необходимости конституционного строя» (с. 97), в этой связи особо ценен опыт российского профессорского «профсоюза» начала XX в., о котором говорится отдельно.

Роль образца, которую играли для российских визави немецкие университеты, своеобразно преломлялась в разных политических контекстах: либерализация университетских уставов осуществлялась со ссылкой на западный опыт, но и контрреформа в сфере высшего образования сопровождалась апелляцией к «германскому типу» (с. 83). Говоря о российской практике профессорского протеста путем ухода с должности, который, как показал опыт, не был «реальным *средством давления*» (с. 130), Т. Маурер обнаруживает, что выдвижение чести в качестве мотива такого донкихотского поведения было свойственно не только лицам, наделенным «дворянским типом мышления», но и представителям других сословий вплоть до крестьянства. Автор реконструирует переплетение мотивов отставки: личная духовная независимость и индивидуальная ответственность, чувство собственного достоинства, осознание воспитательной миссии: «Профессора отдавали себе отчет в том, что будут иметь влияние на студентов, только если сами будут независимыми и правдивыми: они стремились быть для студентов примером» (с. 131).

Личные достижения, профессиональная этика и профессиональная идентичность (с. 134) — таковы отличия преподавателей высшей школы от чиновничества, частью которого власти хотели бы видеть профессоров.

Реализация компаративного подхода во втором разделе «Женщины в германских, российских и других университетах: учеба / обучение и карьерные возможности» позволяет констатировать отставание немецких университетов по «гендерному параметру» от университетов других европейских государств, включая Россию. Т. Маурер заключает, что за кратковременным периодом либерализации в обеих странах (в России — с конца 1850-х, в Германии — с середины 1860-х), когда женщины были допущены в качестве слушательниц на лекции, «последовали времена ограничений» (с. 169), кульминацией которых стали 80-е годы. К началу XX в. и эти ограничения были смягчены благодаря активности женских движений. Однозначную оценку динамике эмансипации дать трудно: в российские классические университеты женщин допустили позже, чем в германские; с другой стороны, повышение образовательного уровня через «суррогат университета» (высшие женские курсы) в России стало возможным раньше (правда, без медицинского и юридического отделений), чем доступ женщин в немецкие университеты (с. 170). Т. Маурер анализирует роль сторонников и противников высшего образования для женщин: основными проводниками эмансипации выступали либеральные профессора-мужчины, при этом студенты были настроены по-разному. Столетиями складывавшийся образ университета как пространства чисто мужской социализации (институционально закрепленный в Германии в форме студенческих корпораций) и «вращения мужского характера» не только не исчез в XIX в., но даже стабилизировался «в контексте новой, поляризованной схемы половых ролей» (с. 179–180). С помощью конкретных примеров Т. Маурер воссоздает картину трудного пути женщин и к студенческой жизни, и к преподавательской карьере.

Третий раздел «Российские студенты в Германии» содержит два кейса, которые при неизбежной неполноте характеристики русского присутствия дают основательный материал для размышлений. Автор обсуждает своеобразие национального состава российского студенчества в Грайфсвальде (глава 6), не отличавшемся большим количеством россиян на фоне других германских вузов. Он не был объектом предпочтений ни для русских, ни для еврейских студентов, и даже число остзейских немцев, к которым университетская администрация благоволила (что проявлялось со всей отчетливостью с начала XX в.), не было особенно значительным. В следующей главе «Чужаки, враги или друзья?» автор восстанавливает условия жизни русских студентов и преподавателей в Гёттингене с конца XIX в. до 1918 г. Как и в ряде других случаев, здесь Т. Маурер сначала показывает стереотипную картину (атмосфера всеобщей истерии и шпиономании в годы Первой мировой войны), а затем восстанавливает реалии, которые всегда сложнее. Некоторые профессора помогали ученикам-иностранцам, подвергнутым «защитному аресту», ставя «академические отношения между индивидами выше политической и государственно-правовой принадлежности к коллективам» (с. 261); одни горожане поддерживали русских студентов, другие выступали против «подданных вражеского государства». Как обычно, в условиях дефицита источников у нас остается больше вопросов, чем ответов, однако и сейчас понятно, что общая картина взаимоотношений россиян и немцев даже в суровые годы далека от монохромной.

В четвертом разделе «Патриотизм и национализм в университетах» исследуются сложности самоопределения университетов в системе координат национального строительства. В фокус внимания автора попали немецкий и чешский университеты в Праге (разделены в 1882 г.), Черновицкий университет в Буковине (эти случаи показывают, как университетская практика XIX в. соотносится со средневековым наднациональным идеалом высшей школы), а также ряд российских и немецких университетов, участвовавших в праздновании династических и патриотических годовщин 1912–1913 гг.

Коммеморативная активность демонстрирует различия между двумя странами: если в Германии устроителями юбилеев выступали студенты и преподаватели, желавшие подчеркнуть свою лояльность государству, то в России инициаторами торжеств были как раз власти. Однако в последнем случае многим удавалось дистанцироваться от официоза: «Университеты организовывали торжественные заседания, но выступали на них не официозные ораторы, а признанные эксперты; вместо возвеличивания отмечаемых событий они, наоборот, содействовали их *критическому* пересмотру, то есть выполняли свой профессиональный долг ученых, причем более принципиально и порой более последовательно, чем их коллеги в Германии» (с. 361). Исторические предпосылки этих различий позволяют понять и разницу в реакции на начавшуюся в 1914 г. мировую войну.

Так плавно осуществляется переход к последнему разделу сборника «Университеты в Первой мировой войне». Автор прослеживает процесс милитаризации «поведенческой модели и риторики» (с. 390) в университетских сообществах. Сопоставляя опыт обеих стран, исследовательница, однако, не усматривает признаков того, что глобальный конфликт повлек за собой модернизацию высшего образования: «В противоположность обществу в целом, университеты частично приспособились к изменившимся обстоятельствам» (с. 411). С другой стороны, изучение процесса распада национального единства в воюющих странах на примере высшей школы стимулирует ревизию прежних оценок. Советская историография трактовала студенческие волнения и политическую мобилизацию профессуры после 1905 г. как предвестие революции 1917 г.; западные специалисты считали, что студенты преследовали собственные цели, а профессора, выступая за автономию высшей школы, руководствовались гражданским сознанием; современные же российские историки усматривают в деятельности преподавателей неуместную политизацию, результатом которой стало игнорирование интересов общества (с. 416–417). Т. Маурер, в свою очередь, обнаруживает, что патриотическая мобилизация студенчества была во многом условной, а изменения в социальной и политической роли университетов — не столь радикальными².

В пятом разделе автор обращается вновь и к гендерным, и к национальным аспектам университетской истории, исследуя стратегии поведения политически активных студенток, отношение к иностранным студентам, а также тыловой трудовой опыт студентов и преподавателей во время Первой мировой войны. Во всех сюжетах Труде Маурер совершает «перманентную историографическую революцию», находя неожиданные повороты и поводы для пересмотра традиционных представлений.

² Ср. выводы А. Н. Дмитриева о континуитете между стратегиями образовательной политики министерств образования в царском и Временном правительствах: [Dmitriev 2014].

Могут ли быть концептуальные претензии к «сборнику избранных статей»? В подзаголовке была анонсирована «социальная история русских и немецких университетов», и в тексте действительно обозначены контуры подхода к коллективной биографии профессоров, охарактеризованы гендерные и национальные аспекты университетской истории, освещены основные тенденции в развитии самосознания профессоров и студентов. Нелегко, впрочем, отделаться от ощущения, что представленные в сборнике очерки — это не только *социальная*, но и *политическая история* университетов. Во всех указанных темах, включая ломку гендерной идентичности и усиление патриархатного порядка, диалектику лояльности и фрондерства в отношениях с властью (о различиях между странами см., например, с. 125), специфически российскую процедуру конкурентной борьбы за ректорский пост (с. 115), политическое и социальное тесно переплетены. Автору первое интересно меньше, тем более что в советской историографии не было недостатка в работах о революционных настроениях студенчества³. Однако как методологически корректно отделить *социальное* от *политического*? Выполнима ли вообще эта задача, если учесть, что «предмет занятий историков социального с трудом поддается определению» [Кром 2015, с. 184]? Возможна ли сравнительная русско-немецкая политическая история университетов, для которой «социологический» материал выступил бы ресурсом и стимулом к обновлению? Эти вопросы, вероятно, ждут дальнейшего обсуждения.

Нужно признать, что рецензируемая книга относится к числу тех редких по нынешним временам изданий, в которых высокое качество перевода коррелирует с тщательностью редактуры (во всем тексте наберется, может быть, дюжина опечаток). К недостаткам издания, обусловленным его жанровой природой, нужно отнести повторы некоторых пассажей вместе с цитатами и ссылками. Рассказ о том, как Генрих фон Трейчке со словами «Студент, который не может напиться? Невозможно!» отказал студентке в праве продолжить обучение в Берлинском университете, приводится на с. 152 и 177; повествование о предвоенных ожиданиях и страхах европейских историков продублировано на с. 317 и 339 (с той разницей, впрочем, что в первом случае речь идет о «Лондонском конгрессе историков», а во втором — о «лондонском Конгрессе историков»); дважды читателю сообщается о коллективной истерии по поводу скрытых врагов в Гёттингене 1914 г. и, в частности, о подозрениях в адрес еврейского студента-математика, в чьем горбе подозревали наличие бомбы (на с. 249 и 471; во втором случае, правда, с фамилией студента). Такие повторы, недопустимые в монографическом исследовании, можно трактовать в сборнике статей как признак намеренной цикличности в изложении, однако они мешают тексту приобрести некоторую цельность.

В работе Т. Маурер, как во всяком объемном труде, встречаются мелкие неточности. Цитируя «Воспоминания и мысли историка» Н. М. Дружинина по изданию

³ Говоря о русских студентах в Грайфсвальде и Гёттингене, Т. Маурер сосредоточивает внимание на гендерном и национальном составе, бытовых условиях жизни студентов (и переменах в связи с началом Первой мировой войны), но можно ли дать полноценное описание студенчества как социальной группы, избегая разговора о политических или хотя бы религиозных предпочтениях? Клоди Вайль, к работам которой Т. Маурер обращается неоднократно, отмечает применительно к Германии начала XX в. и динамику изменения влияния социал-демократов и эсеров в русском студенческом движении [Weill 1979, p. 220], и феномен обращения русских студентов в протестантизм [Weill 1979, p. 223]. Как тут отделить *социальное* от *политического*?

1990 г., автор отмечает: «Немецкий перевод был опубликован уже в 1983 г.!» (с. 99), хотя ничего достойного восклицательного знака в этом факте нет: книга Н. М. Дружинина вышла двумя изданиями задолго до немецкого перевода — в 1967 и 1979 г. [Дружинин 1967]. На с. 103 Т. Маурер возводит род Трубецких к литовскому князю XIV в., женатому на сестре Дмитрия Донского; в действительности сестра московского князя состояла в браке не с родоначальником Трубецких и внуком Гедими-на Дмитрием Ольгердовичем (он был женат на княжне Друцкой [Семенов 2006, с. 672]), а с его кузеном Дмитрием Кориатовичем (иногда отождествляемым с Дмитрием Михайловичем Боброком Волынским). К немногочисленным недостаткам редакции относятся некорректная транслитерация фамилии американского историка Барбары Такман («Тухман» на с. 33), перепутанный инициал в имени Николая Ивановича Кареева (на с. 247 назван И. И. Кареевым) и т. п.

На с. 238–257 приводится несколько фотографий, в том числе индивидуальные и групповые портреты, а также изображение здания (вероятно, пансиона «Кройц-нахер» в Гёттингене). К сожалению, фотографии не снабжены ни подписями, ни ссылками на источники (есть только общая ссылка на архив в примечании 95 на с. 254). Такой нетипичный для научного издания подход к иллюстрациям выглядит тем более странно, если учесть, что фотография, воспроизведенная на обложке книги, прокомментирована на обороте титула: указаны изображенные на ней лица, время и место съемки. Наконец, справочному аппарату издания не помешали бы именной указатель и индекс упомянутых университетов.

...Фонарщик в рассказе Г. Сенкевича, живущий на маяке и вывешивающий днем, сообразно указаниям барометра, разноцветные флаги, чем-то напоминает тех, кто трудится в высшей школе. Будучи одновременно маяком и барометром, университет и формирует повестку дня, и отражает злободневные проблемы социума. Но понимание того, какова палитра цветов этих знамен, т. е. каков диапазон возможных миссий университета в обществе, приходит после сравнительного изучения исторического опыта российских и немецких институций, ответственных за воспроизведение стандартов науки и образования. Книга Труде Маурер — и об этом.

Подобно неутомимому фонарщику, преодолевающему ежедневно лестницу в четыреста ступеней от подошвы башни до лампы, историк обречен на изнурительную работу. Чтобы подготовить такой сборник, потребовалось прочитать сотни книг и статей, просмотреть большое количество архивных дел, обсудить выводы с коллегами. Как безупречный труд фонарщика на маяке получает в награду благодарность спасенных мореплавателей, так и усилия Труде Маурер по прояснению многих запутанных вопросов будут отмечены признательностью со стороны тех, кто читает по-русски и старается беспристрастно смотреть на социальную историю немецких и российских университетов.

Источники и литература

Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967. 114 с.

Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. пособие. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2015. 248 с.

Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования российских университетов // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Н. Дмитриева. М.: НЛО, 2009. С. 5–104.

- Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред. Н. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 372 с.
- Семенов И. С. Европейские династии: полный генеалогический справочник. М.: ООО «Изд-во Энциклопедия»; ООО «Издательский дом ИНФРА-М», 2006. 1104 с.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2013. 385 с.
- Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Н. Дмитриева. М.: НЛО, 2009. 784 с.
- Dmitriev A. The Russian University system and the First World War // *Studies in East European Thought*. 2014. Vol. 66. P. 29–50.
- Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich: ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln: Böhlau, 1998. 959 S.
- Morozov O. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context // *History of Education & Children's Literature*. 2014. Vol. IX, no. 1. P. 301–320.
- Weill C. Les étudiants russes en Allemagne, 1900–1914 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1979. Vol. 20, no. 2. P. 203–225.

Для цитирования: Дементьев И. О. Новые подходы к социальной истории русских и немецких университетов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 177–184. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.316

References

- Druzhinin N. M. *Vospominaniia i mysli istorika [Recollections and thoughts of a historian]*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 114 p. (In Russian).
- Krom M. M. *Vvedenie v istoricheskuiu komparativistiku: uchebnoe posobie [Introduction to comparative historical research: a manual]*. St Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2015, 248 p. (In Russian).
- Maurer T. *Universitet i (ego) gorod: novaia perspektiva dlia issledovaniia rossiiskikh universitetov [University and (its) city: a new prospective for the research of Russian universities]*. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) [University and City in Russia (the beginning of the 20th century)]*. Eds T. Maurer, A. N. Dmitriev. Moscow, NLO [New Literary Review] Publ., 2009, pp. 5–104 (In Russian).
- Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917: issledovaniia i dokumenty [The teaching staff of the Russian universities. 1884–1917: studies and documents]*. Eds N. V. Gribovskii, S. F. Fominykh. Tomsk, Tomsk State University Press, 2012, 372 p. (In Russian).
- Semenov I. S. *Evropeiskie dinastii: polnyi genealogicheskii spravochnik [European dynasties: the whole genealogical handbook]*. Moscow, Entsiklopediia Publ.; Publishing House INFRA-M, 2006, 1104 p. (In Russian).
- Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov [The estate of Russian professors. The creators of the status and meanings]*. Eds E. A. Vishlenkova, I. M. Savelyeva. Moscow, Publishing House “Higher School of Economics”, 2013, 385 p. (In Russian).
- Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) [University and City in Russia (the beginning of the 20th century)]*. Eds T. Maurer, A. N. Dmitriev. Moscow, NLO [New Literary Review] Publ., 2009, 784 p. (In Russian).
- Dmitriev A. The Russian University system and the First World War. *Studies in East European Thought*, 2014, vol. 66, pp. 29–50.
- Maurer T. *Hochschullehrer im Zarenreich: ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte [University lecturers in the Tsar's empire: a contribution to Russian social and educational history]*. Köln [Cologne], Böhlau Publ., 1998, 959 p. (In German).
- Morozov O. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context. *History of Education & Children's Literature*, 2014, vol. IX, no. 1, pp. 301–320.
- Weill C. Les étudiants russes en Allemagne, 1900–1914 [Russian students in Germany, 1900–1914]. *Cahiers du monde russe et soviétique [Worksheets of Russian and Soviet World]*, 1979, vol. 20, no. 2, pp. 203–225 (In French).

For citation: Dementev I. O. New approaches to social history of Russian and German universities. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 3, pp. 177–184. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.316

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2016 г.; рекомендовано в печать 21 июня 2016 г.